

Джон Джуитт

**Повествование о
приключениях и
страданиях Джона Р.
Джуитта**

18+

Джон Джуитт

**Повествование о приключениях
и страданиях Джона Р. Джуитта**

«Автор»

2026

Джуитт Д.

Повествование о приключениях и страданиях Джона Р. Джуитта /
Д. Джуитт — «Автор», 2026

Документальная повесть Джона Роджерса Джуитта (1783–1821) о его 28 месяцах жизни в плену у индейцев нутка (ну-ча-нулт) на острове Ванкувер в 1803-1805 гг. После освобождения Джуитт на основе своего дневника, который он вел в плену, написал и издал эти мемуары в 1815 г. В книге он не только рассказывает о своих испытаниях, но и подробно описывает быт, нравы и религиозные представления коренных жителей. На данное произведение ссылаются в научных работах, в частности советский этнограф-американист Аверкиева Ю.П.

© Джуитт Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повествование Джона Р. Джуитта.	7
ГЛАВА I	7
ГЛАВА II	11
ГЛАВА III	13
ГЛАВА IV	18
ГЛАВА V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Джон Джуитт

Повествование о приключениях и страданиях Джона Р. Джуитта

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ И СТРАДАНИЯХ
ДЖОНА Р. ДЖУИТТА,
ЕДИНСТВЕННОГО ВЫЖИВШЕГО ИЗ ЭКИПАЖА КОРАБЛЯ «БОСТОН», ВО
ВРЕМЯ ПОЧТИ 3-ЛЕТНЕГО ПЛЕНА СРЕДИ ДИКАРЕЙ ЗАЛИВА НУТКА

С ОПИСАНИЕМ НРАВОВ, ОБРАЗА ЖИЗНИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ
ТУЗЕМЦЕВ.

Мидлтаун. Напечатано Сетом Ричардсом
1815

*Посвящается Ю.П. Аверкиевой
Перевел с английского А.В. Петров*

***Имена членов экипажа корабля «Бостон», принадлежавшего компании «Бостон»
в штате Массачусетс, владельцам которого были господа Ф. и Т. Амори, торговцы из
этого города, — все они, за исключением двоих, были варварски убиты дикарями в Нутке
22 марта 1803 года.***

Джон Солтер из Бостона, капитан.
Б. Делуиза, из Бостона, старший помощник капитана.
Уильям Ингрэм из Нью-Йорка, второй помощник капитана.
Эдвард Томпсон из Блиса, Англия, боцман.
Адам Сиддл из Халла, Англия, плотник.
Филип Браун, из Кембриджа(Массачусетс), столяр.
Джон Дорти, из Скитуэйта(Массачусетс), кузнец.
Абрахам Уотерс, Филадельфия, стюард.
Фрэнсис Даффилд из Пентона (Англия), портной.
Джон Уилсон (чернокожий) из Вирджинии, повар.
Уильям Колдуэлл из Бостона, матрос.
Джозеф Майнер из Ньюберипорта, матрос.
Уильям Робинсон, из Ли (Шотландия), матрос.
Томас Уилсон, из Эр (Шотландия), матрос.
Эндрю Келли, из Эр (Шотландия), матрос.
Роберт Бертон, с острова Мэн, матрос.
Джеймс Мак-Клэй, из Дублина, матрос.
Томас Флэттен, из [Блейкни](#), Норфолк, Англия, матрос.
Томас Ньютон, из [Халла](#), Англия, матрос.
Чарльз Бейтс, из [Сент-Джеймс-Дипинга](#),
Англия, матрос.
Джон Холл, из Нью-Касла, Англия, матрос.
Сэмюэл Вуд из Глазго (Шотландия), матрос.
Питер Олстром, норвежец, матрос.
Фрэнсис Мартен, португалец, матрос.

Юпитер Сенегал,(чернокожий), матрос.

Джон Томпсон, Филадельфия, парусный мастер, которому тоже удалось спастись, но в настоящее время он уже скончался.

Джон Р. Джуитт из Бостона, Англия, оружейник, автор дневника, из которого взят этот рассказ, и который в настоящее время, в июле 1815 года, проживает в Мидлтауне, штат Коннектикут.

Повествование Джона Р. Джуитта.

ГЛАВА I

Рождение, происхождение и ранний период жизни автора

Я родился в Бостоне, довольно крупном городке в Линкольншире, в Великобритании, 21 мая 1783 года. Мой отец, Эдвард Джуитт, был кузнецом и считался одним из лучших мастеров своего дела в округе. В возрасте трех лет я имел несчастье потерять свою мать, замечательную женщину, которая умерла при родах, оставив новорожденную дочь, которая вместе со мной и старшим братом от предыдущего брака моего отца составляла всю нашу семью. Мой отец, считавший хорошее образование величайшим благом, которое он мог дать своим детям, уделял этому особое внимание. Он всегда призывал нас вести себя хорошо и старался привить нам принципы добродетели и нравственности. Он не жалел средств на то, чтобы мы получили образование, которое сделало бы нас полезными и уважаемыми членами общества. Моему брату, который был на четыре года старше меня и отличался более крепким телосложением, предназначалось наследовать дело отца, но мне он решил дать образование, лучшее чем то, которое можно получить в обычной школе, и намеревался, чтобы я овладел профессией, требующей специального образования. Поэтому в двенадцать лет он забрал меня из школы, где я получил начальные знания, и отдал под опеку мистера Мозеса, известного преподавателя в Доннингтоне, примерно в *двадцати* милях от Бостона, чтобы тот обучал меня латыни и некоторым высшим разделам математики. Там я значительно преуспел в письме, чтении и арифметике, а также получил неплохие знания в области навигации и геодезии. Но мои успехи в изучении латинского языка были не очень хорошими, не только из-за слабого желания изучать этот язык, но и из-за врожденного дефекта речи, который чрезвычайно затруднял мое произношение, так что вскоре, с согласия отца, я полностью отказался от изучения латыни.

Время, проведенное в этом месте, было самым счастливым в моей жизни. Мой наставник, мистер Мозес, был не только образованным, но и добродетельным, великодушным и приятным человеком, которого любили все его ученики. Они с удовольствием занимались под его руководством, и он разрешал им все допустимые развлечения, которые не мешали учебе.

Самую большую радость мне приносило посещение ярмарки, которая регулярно проводится в Доннингтоне дважды в год, весной и осенью. Второй день ярмарки полностью посвящен продаже лошадей, которых для этой цели привозят в огромном количестве. Поскольку в эти дни школьникам всегда устраивали каникулы, я не могу передать, с каким нетерпением и предвкушением я ждал этих ярмарок, и какой восторг я испытывал от различных представлений, выставок диких животных и других развлечений, которые они предлагали. Меня часто навещал мой отец, который всегда очень радовался, видя меня, хвалил за мои успехи и обычно оставлял небольшую сумму на карманные расходы.

Среди учеников той академии был один по имени Чарльз Райс, с которым у меня сложились особые отношения, продолжавшиеся в течение всего моего пребывания в ней. Он был моим однокурсником и соседом по комнате, и так как город, из которого он был родом, Эшби, находился более чем в шестидесяти милях от нас, то вместо того, чтобы возвращаться домой, он часто во время каникул ездил со мной в Бостон, где его всегда радушно принимал мой отец, который принимал меня в этих случаях с величайшей любовью, по-видимому, очень гордясь мной. Мой друг, в свою очередь, брал меня с собой к своему дяде в Доннингтон, очень богатому человеку, который, не имея собственных детей, очень любил своего племянника, и благодаря ему я тоже всегда был желанным гостем в их доме. У меня был хороший голос и музы-

кальный слух, мне очень нравилась музыка, хотя мой отец и старался отучить меня от этой склонности, считая ее (как это часто бывает) прямым путем в праздную и беспутную жизнь. Благодаря моему пению в церкви, которую регулярно посещали ученики по воскресеньям и в праздничные дни, мистер Мортроп, дядя моего друга Райса, часто просил меня петь. Он всегда получал удовольствие от моих выступлений, и несомненно, из-за этого мне был обеспечен столь радушный прием в его доме. Некоторые другие джентльмены из тех мест иногда приглашали меня петь у себя дома, и, поскольку я немного гордился своими вокальными способностями, я был очень рад этим приглашениям и принимал их с величайшим удовольствием.

Так прошли два самых счастливых года моей жизни, когда мой отец, считая, что я получил достаточное образование для профессии, которую он для меня выбрал, забрал меня из школы в Доннингтоне, чтобы отдать в ученики к доктору **Мейсону**, выдающемуся хирургу из Рисби, по соседству со знаменитым сэром **Джозефом Бэнксом**¹. С сожалением я расстался со своими школьными знакомыми, особенно с моим другом Райсом, и вернулся домой с отцом, ненадолго навестить семью, готовясь к предстоящему обучению. Мое нежелание заниматься профессией, которую отец хотел, чтобы я выбрал, еще больше усилилось после моего возвращения. В детстве я всегда любил находиться в мастерской, среди рабочих, пытаюсь подражать тому, что я видел. После окончания академии это желание настолько усилилось, что я не мог вынести даже малейшего упоминания о том, что меня отдадут в ученики к хирургу, и я так много уговаривал отца, чтобы убедить его отказаться от этого плана и обучить меня своему ремеслу, что он наконец согласился. Вероятно, было бы гораздо лучше, если бы я удовлетворил желание своего любящего родителя, приняв профессию, которую он для меня выбрал. Как бы то ни было, меня наконец приняли в мастерскую, и, поскольку мой природный склад ума соответствовал этой работе, я за короткое время стал необычайно искусен в своем деле. Теперь я чувствовал себя вполне довольным, счастливым своей работой, отец относился ко мне с большой любовью, а мачеха – с добротой, так как отец снова женился на вдове, намного моложе его, которая получила хорошее образование и была милой и рассудительной женщиной.

Примерно через год после начала моего ученичества мой отец, решив, что может с большей выгодой вести свой бизнес в **Халле**, переехал туда со своей семьей. Это событие имело для меня немалое значение, поскольку в значительной степени повлияло на мою будущую судьбу. Халл был одним из лучших портов Англии и местом развитой торговли, поэтому мой отец обеспечил работой своих многочисленных рабочих, особенно в области судостроения. Это, естественно, привело меня к знакомству с моряками на борту некоторых кораблей. Многочисленные удивительные истории, которые они рассказывали о своих путешествиях и приключениях, а также о нравах и обычаях народов, которых они видели, пробудили во мне сильное желание посетить зарубежные страны, которое только усилилось после прочтения книг о путешествиях капитана Кука и других знаменитых мореплавателей.

Так прошли четыре года, которые я прожил в Халле, где моего отца все, кто его знал, уважали как достойного, трудолюбивого и преуспевающего человека. В этот период произошло событие, которое предоставило мне возможность, о которой я давно мечтал, — осуществить свое желание побывать за границей.

Среди наших основных клиентов в Халле были американцы, часто посещавшие этот порт, и из разговоров с ними мой отец, как и я, составили самое благоприятное мнение об этой стране, считая ее отличным местом для работы и благоприятной перспективе для молодого человека устроиться в жизни. Летом 1802 года, во время перемирия между Англией и Францией, в Халл прибыл корабль «Бостон», принадлежавший компании Бостон, штат Массачусетс, под командованием капитана **Джона Солтера**. Он прибыл, чтобы принять на борт груз товаров для торговли с индейцами на северо-западном побережье Америки, откуда, после покупки

¹ [Joseph Banks](#) – компаньон Кука, и в течение многих лет – президент Королевского общества.

мехов и шкур, должен был отправиться в Китай, а оттуда — домой в Америку. Корабль нуждался в многочисленных ремонтах и переделках, необходимых для столь длительного плавания, поэтому капитан обратился к моему отцу с просьбой выполнить кузнечные работы, которые были весьма значительными. Этот джентльмен, человек светского склада, часто бывал в доме моего отца, где проводил многие вечера со своими старшим и вторым помощниками капитана, мистером **Б. Делуизой** и мистером **Уильямом Ингрэмом**. Последний был прекрасный молодой человек лет двадцати, очень добродушный и с такими приветливыми манерами, которые снискали ему любовь и привязанность всей команды. Эти джентльмены иногда брали меня с собой в театр. Мне очень нравилось это времяпрепровождение, и отец скорее поощрял его, чем возражал, поскольку считал, что это хороший способ уберечь молодых людей, которые по природе своей склонны искать, чем бы себя развлечь, от посещения таверн, пивных и других сомнительных мест, одинаково вредных для здоровья и нравственности, в то время как сцена часто дает прекрасные уроки морали и хорошего поведения.

По вечерам, когда он заходил к моему отцу, капитан Солтер, который много лет провел в море и побывал почти во всех уголках мира, иногда рассказывал о своих путешествиях. Заметив, как внимательно я слушаю его рассказы, однажды, когда я принес ему готовую работу, он в шуточной манере спросил: «Джон, как насчет того, чтобы поехать со мной?» Я ответил, что это доставит мне огромную радость, что я давно мечтал побывать в других странах, особенно в Америке, о которой мне рассказывали так много хороших историй, и что если мой отец даст свое согласие, а он захочет взять меня с собой, я поеду.

«Я буду очень рад это сделать, — сказал он, — если удастся уговорить вашего отца отпустить вас. Мне нужен опытный кузнец-оружейник, а тот, который есть, недостаточно искусен в своем ремесле. Я не сомневаюсь, что вы подойдете нам, так как, как я вижу, вы и активны, и изобретательны. А по возвращении в Америку я, вероятно, смогу сделать для вас что-нибудь в Бостоне. Я воспользуюсь первой же возможностью поговорить об этом с вашим отцом и попытаюсь убедить его дать согласие». Соответственно, на следующий вечер, когда он навещал нас, он затронул эту тему. Мой отец поначалу не хотел ничего слушать. Мой прекрасный родитель, хотя и заботился о моем будущем, не мог смириться с мыслью о расставании со мной. Но когда капитан Солтер рассказал ему, какую пользу мне принесет путешествие с ним, и что жаль держать такого многообещающего и находчивого молодого человека, как я, взаперти в маленькой лавке в Англии, и что я смогу добиться гораздо большего в Америке, где зарплата намного выше, а жизнь дешевле, он наконец перестал возражать и разрешил мне отправиться на борт «Бостона» в качестве оружейника с оплатой в тридцать долларов в месяц, с условием, что причитающийся мне гонорар, вместе с определенной суммой денег, которую мой отец дал капитану Солтеру, будет использована на северо-западном побережье для покупки мехов на мой счет, которые затем будут проданы в Китае по цене, достаточной для получения прибыли по возвращении корабля. Отец всячески старался предоставить мне все возможности для успешного развития моего дела в Бостоне или каком-либо другом приморском городе Америки. Таковы были его ожидания в отношении меня. Увы! Роковая катастрофа, постигшая нас, не только разрушила все эти надежды, но и повергла меня в крайнюю скорбь и нищету на долгое время после этого.

После тщательного ремонта и качественной обшивки медью, корабль приступил к погрузке груза, состоявшего из английских тканей, одеял, зеркал, бус, ножей, бритв и т. д. из Голландии, а также сахара и патоки, около двадцати бочек рома, запасов провизии для корабля, большого количества боеприпасов, сабель, пистолетов и *трех тысяч* мушкетов и охотничьих ружей. Когда корабль был полностью загружен и готов к отплытию, мой отец подошел ко мне и, отведя в сторону, с большой тревогой сказал: «Джон, я сейчас расстаюсь с тобой, и одному Богу известно, встретимся ли мы когда-нибудь снова. Но где бы ты ни находился, всегда помни, что от твоего собственного поведения будет зависеть твой успех в жизни. Будь честным, тру-

долюбивым, бережливым и умеренным, и ты обязательно обретешь друзей в какой бы стране тебе ни выпала судьба быть. Пусть Библия будет твоим путеводителем и твоей опорой в любой ситуации, в лице Всемогущего Бога, который умеет отделить добро от зла и никогда не оставляет тех, кто уповает на Него».

Он снова призвал меня вести честную и христианскую жизнь, помнить, что у меня есть отец, мать, брат и сестра, которые не могли не волноваться о моем благополучии, и поручил мне написать ему при первой же возможности в Англию, в какой бы части света я ни находился, особенно по прибытии в Бостон. Я пообещал это сделать, но, к сожалению, прошло много времени, прежде чем я смог выполнить это обещание. Затем я нежно попрощался со своим достойным родителем, чье волнение едва позволяло ему говорить, и, с любовью попрощавшись с братом, сестрой и мачехой, которые выражали величайшую тревогу о моей будущей судьбе, поднялся на борт корабля, который направился в [Даунс](#), чтобы дожидаться первого попутного ветра.

Что касается работы, то на корабле мне было вполне комфортно, так как кузница была установлена прямо на палубе. Ее мой отец изготовил по своему проекту, на который впоследствии получил патент, а один угол в трюме был отведен под верстак, чтобы в плохую погоду я мог работать и внизу.

ГЛАВА II

Путешествие к Заливу Нутка

3 сентября 1802 года мы отплыли из Даунса при попутном ветре в сопровождении двадцати четырех американских судов, большинство из которых направлялись домой.

В первые несколько дней меня укачивало, но это продолжалось недолго, и, привыкнув, я почувствовал себя необычайно здоровым и бодрым, с энтузиазмом принялся за работу в своей кузнице на палубе: приводил в порядок мушкететы, делал кинжалы, ножи и небольшие топоры для торговли с индейцами, а в сырую и штормовую погоду занимался их шлифовкой и полировкой внизу. Это была моя работа, которая имела мало общего с управлением судном, хотя иногда я помогал морякам поднимать и спускать паруса..

Поскольку я никогда прежде не покидал берег, я не могу описать свои ощущения, после того как оправился от морской болезни, при виде могучего океана, окружавшего меня, ограниченного лишь небом, в то время как его волны, поднимающиеся горами, казалось, каждую минуту грозили нам гибелью. Как бы ни проявлялась рука Провидения в сохранении своих созданий от уничтожения, нигде это не ощущается так ярко, как на бескрайних просторах океана; ибо, если мы задумаемся о бурных движениях океана, о водном потоке, который каждую минуту грозит нас захлестнуть, об огромной силе его ударов, о том, что нас отделяет от смерти всего лишь одна доска, являющаяся нашей единственной опорой, которая, если бы она, к несчастью, ослабла, мгновенно погрузила бы нас в бездну, наша искренняя благодарность должна быть вознесена к этому всеобъемлющему Божеству, которое столь чудесным образом поддерживает наши жизни среди волн.

Путешествие до [острова Святой Екатерины](#) у побережья Бразилии длилось двадцать девять дней. Капитан решил остановиться здесь на несколько дней, чтобы запастись дровами и водой. Это место принадлежит португальцам. При входе в гавань нас поприветствовали из форта салютом. На следующий день к нам на борт поднялся губернатор острова со своей свитой. Капитан Солтер принял его с большим почтением и пригласил отобедать, на что тот согласился. Корабль оставался на острове Святой Екатерины четыре дня, в течение которых мы были заняты пополнением запасов дров, воды и свежих продуктов. Капитан Солтер посчитал, что лучше запастись здесь всем необходимым для путешествия к северо-западному побережью Америки, чтобы не останавливаться на [Сандвичевых островах](#). Остров Святой Екатерины – очень удобное место для остановок судов, следующих вокруг мыса Горн, так как здесь много источников чистой воды, отличных апельсинов, [плантанов](#) и бананов.

Завершив пополнение запасов, мы вышли в море и 25 декабря наконец прошли мыс Горн, до которого добирались не менее чем тридцать шесть дней. Мы были вынуждены несколько раз возвращаться назад из-за встречных ветров, пережили очень бурную и ненастную погоду.

Сразу после мыса Горн все наши опасности и трудности, казалось, закончились. Погода улучшилась, а на борту корабля требовалось так мало работы, что моряки быстро оправились от усталости и были в отличном настроении. Через несколько дней мы встретили английское китобойное судно из Южных морей, направлявшееся домой, — это было единственное судно, с экипажем которого мы общались за все время нашего плавания.

Теперь мы шли с попутным ветром – муссоном, погода была прекрасная, так что в течение двух недель нам не приходилось убирать марсель или менять галс. Работа стала настолько легкой, а жизнь моряков в это время – настолько беззаботной, что они казались самыми счастливыми из всех людей на свете.

Капитан Солтер, много лет занимавшийся торговлей с Ост-Индией, был превосходным моряком и поддерживал строгий порядок и дисциплину на борту своего корабля, хотя и обла-

дал мягким, покладистым характером. Он проявлял всяческую снисходительность к своим людям, если это не противоречило выполнению их обязанностей. У нас на борту собрался отличный музыкальный коллектив, который по субботам, когда погода была хорошей, развлекал нас музыкой. Капитан приказывал им играть по несколько часов для развлечения экипажа, что мне очень нравилось, особенно в спокойные вечера во время плавания по Южному океану. Что касается меня, то днем я постоянно был занят в своей кузнице переоборудованием или ремонтом некоторых железных конструкций судна, но главным образом изготовлением томагавков, кинжалов и т. д. для индейцев северо-западного побережья.

В первую половину нашего путешествия мы почти не видели рыб, за исключением нескольких китов, акул и летучих рыб. Но после того, как обогнули мыс Горн, мы встретили многочисленные стаи [морских свиней](#), нескольких из которых мы поймали. И, поскольку мы уже некоторое время были без свежих продуктов, я обнаружил, что это не только вкусная, но и действительно очень полезная пища. Для того, кто никогда раньше их не видел, стая этих рыб ² выглядит очень необычно и странно. Издалека, когда они приближаются к судну, они похожи на множество маленьких черных волн, беспорядочно перекатывающихся друг через друга и стремительно приближающихся.

Как только на горизонте появляется косяк этих рыб, на борту корабля начинается суматоха: немедленно готовят гарпуны, а те, кто лучше всех умеет их метать, занимают позиции на носу и вдоль борта, с нетерпением ожидая, когда стая подплывет ближе и начнет кружить вокруг судна в поисках пищи.

Когда гарпун пронзает рыбу и ее вытаскивают на борт, если только она не погибает мгновенно от удара, что случается крайне редко, она издает очень жалобные крики, очень похожие на крики младенца.

Мясо, нарезанное на стейки и зажаренное, мало чем отличается от очень жёсткой говядины, а окорок по внешнему виду и вкусу настолько похож на свинину, что отличить одно от другого было бы непросто. Именно поэтому моряки дали этой рыбе название «морская свинья». Некоторые члены экипажа рассказывали мне, что если какой-то из этих рыб случайно удастся освободиться от гарпуна, все остальные, привлеченные ее кровью, немедленно бросаются в погоню за ней, и как только настигают его, разрывают на куски.

Мы также поймали большую акулу, которая следовала за кораблем несколько дней, на крючок, который я специально для этого сделал, и хотя ее мясо было далеко не таким, как у морской свиньи, тем не менее, так как мы были лишены чего-либо свежего, оно показалось мне очень вкусным. После мыса Горн, когда море успокоилось, мы увидели множество альбатросов — крупных буро-белых птиц, похожих на гусей. Одну из них подстрелил капитан Солтер, размах ее крыльев от кончиков до кончиков составлял *пятнадцать футов*.

Еще я не должен упустить из виду одну вещь, которая сильно поразила меня. Дело в том, что при прохождении мыса Горн в декабре, который в тех краях был серединой лета, ночи были такими светлыми, что мы без труда могли читать даже мелкий шрифт, что часто делали во время вахты, даже если в это время не было луны.

² Морская свинья — весьма общий термин, применяемый ранее моряками ко многим мелким видам китообразных, это млекопитающее, не «рыба».

ГЛАВА III

Общение с туземцами – Макина – Захват судна и убийство экипажа

И так, при попутном ветре и благоприятной погоде, начиная с 28 декабря, когда мы прошли мыс Горн, мы продолжали наше путешествие на север до 12 марта 1803 года, когда достигли мыса Вуди-Пойнт ³ около залива Нутка ⁴ на северо-западном побережье Америки. Мы сразу же зашли в залив Нутка, где капитан Солтер решил сделать остановку, чтобы пополнить запасы дров и воды, прежде чем продолжить путь вдоль побережья для торговли с туземцами. Но чтобы избежать риска каких-либо помех со стороны индейцев для своих людей во время этой работы, он проследовал на корабле примерно на пять миль к северу от деревни, расположенной в бухте Френдли-Коув, и отправил своего старшего помощника с несколькими членами экипажа в шлюпке найти подходящее место для якорной стоянки. Спустя некоторое время они вернулись с сообщением о том, что обнаружили безопасное место на западной стороне залива, примерно в полумиле от берега, недалеко от небольшого острова, защищавшего от моря, где было много леса и отличной воды. Корабль встал на якорь в этом месте в двенадцать часов ночи, на глубине двенадцати саженей, на илистом дне и так близко к берегу, что, чтобы корабль не снесло течением, мы привязали его канатом к деревьям.

На следующее утро, 13-го числа, несколько туземцев подплыли к нам на каноэ и поднялись на борт. Они были из деревни Нутка, вместе со своим *королем*⁵ по имени Макина, который, казалось, был очень рад нас видеть и сердечно приветствовал капитана Солтера и его офицеров в своей стране. Поскольку я никогда прежде не видел дикарей, легко понять, что необычность их внешности, столь непохожей ни на один из народов, которых я видел до сих пор, вызвала у меня сильные чувства удивления и любопытства. Однако меня особенно поразила внешность их короля, человека величественного вида, ростом около шести футов, чрезвычайно стройного и хорошо сложенного. Черты его лица были в целом приятными, выделялся большой римский нос, что очень необычно для этого народа. Его кожа была темно-медного оттенка, хотя все его лицо, ноги и руки были так покрыты красной краской, что их естественный цвет едва можно было различить. Его брови были покрашены черной краской в две широкие полосы, а его длинные черные волосы, блестящие от масла, были собраны в пучок на макушке и припорошены белым птичьим пухом, что придавало ему весьма необычный вид. Он был одет в просторную мантию или плащ из черной шкуры морской выдры (калана), который доходил до колен и был перевязан вокруг талии широким поясом из местной ткани, вышитой или раскрашенной разноцветными узорами. Это одеяние отнюдь не казалось странным, а, наоборот, имело вид дикого великолепия. Его люди были одеты в накидки из ткани, сделанной из коры дерева ⁶ и чем-то напоминающей соломенную циновку. Эти накидки почти квадратные, с двумя отверстиями в верхней части, достаточно большими, чтобы в них можно было просунуть руки. Они доходят до колен и перевязаны вокруг тела поясом шириной около четырех дюймов из той же ткани.

³ Woody Point (координаты 50.12, -127.91). Название мысу дал капитан Кук в 1778 г. Джордж Ричардс в 1860 г. переименовал мыс Вуди-Пойнт в мыс Кук. Мыс на противоположной стороне залива Нутка – Estevan Point (координаты 49.383, -126.544). Они никак не могли «достигнуть Вуди-Пойнт в заливе Нутка» – от залива Нутка до мыса 100 км.

⁴ Под "Нуткой" здесь подразумевается деревня в бухте Френдли-Коув (координаты 49.60, -126.58) или **Yuquot**; места с названием "Нутка" не существует; само слово "Нутка" неизвестно местным жителям.

⁵ Скорее, его можно назвать *верховным вождем*, титул «король», может принадлежать только британскому монарху.

⁶ *Сосна белая западная* или *Сосна горная веймутова* (*Pinus monticola*). Из нее делают одеяла, отороченные мехом каланов, а циновки для каноэ – из коры *Туи гигантской* (*Thuja plicata*), в простонародье называемой *Красным кедром*.

Благодаря тому, что Макина часто посещал английские и американские корабли, которые вели торговлю на побережье, он выучил немного английских слов и в целом мог довольно хорошо объясняться с нами на нашем же родном языке. Он всегда первым поднимался на борт кораблей, прибывавших в Нутку, и ему очень нравилось посещать эти суда, даже когда у него не было товаров для обмена, поскольку он почти всегда получал какой-нибудь небольшой подарок, и в целом пользовался хорошим отношением капитанов. Он оставался на нашем борту некоторое время, в течение которого капитан отвел его в каюту и угостил стаканом рома. Эти люди очень любят крепкие спиртные напитки, а также галеты и патоку, которые они предпочитают любой другой еде, которую мы можем им предложить.

Поскольку в этом месте редко удастся купить много мехов, и сезон был не в самом разгаре, капитан Солтер прибыл сюда не столько в надежде на торговлю, сколько для того, чтобы запастись достаточным количеством дров и воды. Он посчитал более разумным сделать это в Нутке, учитывая в целом дружелюбный настрой местного населения, чем подвергать опасности своих людей, отправляя их на берег к более свирепым туземцам севера.

Мы немедленно принялись готовить бочки для воды, а на следующий и два последующих дня часть экипажа была отправлена на берег рубить сосны и помогать плотнику в изготовлении реев и мачт для корабля, в то время как оставшиеся на борту занимались переоборудованием такелажа, ремонтом парусов и т. д. Затем команда как можно быстрее приступила к пополнению запасов дров и воды. В это время я был занят ремонтом мушкетов, изготовлением ножей, томагавков, а также выполнением работ по металлу, необходимых для корабля.

Тем временем на борт ежедневно поднимались туземцы, привозившие с собой свежего лосося, которым они щедро нас снабжали, получая взамен кое-какие мелочи. Капитан Солтер прежде чем пустить этих людей на борт, всегда очень тщательно следил за тем, чтобы у них не было с собой оружия, заставляя их снимать одежду. Так он чувствовал себя в полной безопасности от любого нападения.

15-го числа на борт поднялся король с несколькими своими вождями; он был одет, как и прежде, в свою великолепную мантию из шкуры выдры, с ярко раскрашенным лицом и волосами, посыпанными белым пухом, похожим на снег. Вожди были одеты в накидки из местной ткани естественного, бледно-желтого цвета. Эти их накидки были украшены широкой каймой, расписанной или вышитой фигурами разных цветов, изображающими головы людей, различных животных и т. д., и скреплялись поясом, подобным поясу Макины, от которого отличались лишь меньшей шириной. Одежда простого народа была такой же, но отличалась от одежды вождей более грубой текстурой и была окрашена в однотонный красный цвет.

Капитан Солтер пригласил Макину и его вождей пообедать с ним, и было любопытно наблюдать, как эти люди во время еды садятся по-своему, на наши стулья, скрестив ноги, как турки. *Они не переносят вкус соли*, и единственное, что они ели из нашей пищи, был корабельный хлеб, который им очень нравился, особенно когда его макали в патоку. Еще они очень любили чай и кофе, если их хорошо подсластить. Поскольку железное оружие и инструменты почти всех видов пользовались у них большим спросом, всякий раз, когда они поднимались на борт, они всегда были очень внимательны ко мне, толпились у кузницы, наблюдая за тем, как я работаю, и таким образом фактически познакомились со мной, что, как станет ясно далее, будет иметь для меня большое значение. Лосось, который они нам привезли, был восхитительным лакомством для людей, которые долгое время жили только на солонине, за исключением тех немногих морских рыб, которые нам посчастливилось поймать. Так мы роскошно пировали и льстили себе, думая, что на побережье для нас теперь не будет недостатка в свежих продуктах, даже не представляя, какая участь нас ждет, и что эта изысканная еда окажется лишь роковой приманкой!

19-го числа король снова поднялся к нам на борт и был приглашен капитаном на обед. Он долго общался с капитаном Солтером и сообщил ему, что возле бухты [Френдли-Коув](#) водится

много диких уток и гусей. В ответ капитан подарил ему двуствольное ружье для охоты на пернатую дичь, чем король остался очень доволен и вскоре отправился на берег.

20-го числа мы были почти готовы к отплытию, полностью запасшись дровами и водой.

На следующий день Макина поднялся на борт с девятью парами диких уток в качестве подарка. Он принёс с собой ружье, один из замков которого он сломал, сказав капитану, что оно «*пешак*», то есть плохое. Капитан Солтер был очень оскорблен этим замечанием и, расценив это как проявление неуважения к его подарку, назвал короля лжецом, добавив другие нелестные выражения, и, забрав у него ружье, с негодованием бросил его в каюту, затем позвал меня к себе, и сказал: «Джон, этот парень сломал это прекрасное охотничье ружье, посмотри, сможешь ли ты его починить». Осмотрев его, я сказал ему, что это возможно. Как я уже отмечал, Макина немного знал английский и, к сожалению, хорошо понял смысл выражений, которые капитан ему адресовал. В ответ он не произнес ни слова, но выражение его лица достаточно ясно отражало гнев, который он испытывал, хотя и изо всех сил старался его подавить. Я заметил, что во время разговора с капитаном он неоднократно прикладывал руку к горлу и потом тер ею грудь, что, как позже он сам мне объяснил, помогало ему унять сердце, которое подкатывало к горлу и душило его. Вскоре после этого он со своими людьми отправился на берег, сильно недовольный.

Утром 22-го числа туземцы, как обычно, приплыли к нам с лососем и остались на борту. Около полудня к нам прибыл Макина с большим числом своих вождей и простых людей в каноэ, которые, пройдя обычный досмотр, были допущены на корабль. В руке у него был свисток, а лицо закрывала уродливая деревянная маска, изображающая голову какого-то дикого зверя. Он выглядел на удивление добродушным и веселым, и пока его люди пели и резвились на палубе, развлекая нас различными забавными трюками, он насвистывал на свистке какую-то мелодию, которая, казалось, управляла их движениями. Когда капитан Солтер прогуливался по кормовой палубе, развлекаясь их танцами, к нему подошел король и спросил, когда он собирается выйти в море? Он ответил: «Завтра». Тогда Макина сказал: «Вы любите лосося — в Френдли-Коув его много, почему бы не съездить туда и не наловить?» Капитан посчитал, что было бы очень неплохо иметь хороший запас этой рыбы впрок, и, посоветовавшись с господином Делуизой, решил отправить часть экипажа на берег после обеда с неводом, чтобы наловить необходимое количество. Макина и его вожди остались и пообедали на борту, а после старший помощник отправился с девятью людьми на шлюпке и яле ловить рыбу в бухту Френдли-Коув, предварительно высадив стюарда на берегу у места, где мы брали воду, чтобы тот постирал одежду капитана.

Вскоре после отплытия шлюпок я спустился к своему рабочему месту в трюме, где занялся чисткой мушкетов. Не прошло и часа, как я услышал, как люди поднимают шлюпку, а через несколько минут на палубе поднялась большая суматоха и беспорядок. Я тотчас же побежал вверх по лестнице, но едва моя голова оказалась над палубой, как один из дикарей схватил меня за волосы и приподнял. К счастью для меня, у меня были короткие волосы, и лента, которой они были перевязаны, развязалась, я выскользнул из его руки и упал в трюм. Во время моего падения он ударил меня топором, который нанес мне глубокую рану на лбу, но, поскольку он ослабил хватку, мне чудом удалось избежать всей силы удара, который иначе раскроил бы мне голову надвое. Я упал, оглушенный и без сознания, на пол. Как долго я оставался в таком состоянии, я не знаю, но, придя в себя, первым делом попытался подняться, но был так слаб от потери крови, что опять потерял сознание. Однако вскоре меня вернули к реальности три громких крика или скорее, вопля дикарей, что убедило меня в том, что они захватили корабль. Я не в силах описать свои чувства, вызванные этим ужасающим звуком. Возможно, какое-то слабое представление о них могут составить те, кто знает, каково это — проснуться от кошмарного сна и все еще думать, что это не сон. Никогда, нет, никогда я не забуду этот ужасный момент. Я каждую секунду ожидал, что меня постигнет та же участь, что

и моих несчастных товарищей, и когда я услышал победную песнь дикарей, сменившую эти адские крики, кровь застыла у меня в жилах.

Наконец, достаточно придя в себя, чтобы оглядеться и вытерев кровь с глаз, я увидел, что люк трюма закрыт. Это было сделано, как я позже узнал, по приказу Макины, который, увидев, как дикарь нападает на меня с топором, *велел ему не причинять мне вреда, поскольку я был оружейником и мог бы помочь им в ремонте оружия*. Но для меня это обстоятельство выглядело совсем иначе, ибо я думал, что эти варвары лишь продлили мне жизнь, чтобы лишить меня её самыми жестокими пытками.

Я оставался в этом ужасном состоянии неопределённости очень долго, пока наконец люк не открыли, и Макина, позвав меня по имени, не приказал подняться. Я с трудом, насколько мог, пробирался вверх, почти ослепленный кровью, текущей из раны, и настолько слабый, что с трудом мог идти. Король, заметив мое положение, приказал одному из своих людей принести горшок с водой, чтобы смыть кровь с моего лица. После этого я смог хорошо видеть одним глазом, но другой так распух от раны, что был закрыт. Но какое же ужасное зрелище предстало передо мной: шесть обнаженных дикарей, стоящих вокруг меня, покрытых кровью моих убитых товарищей, с поднятыми в руках кинжалами, готовых нанести удар. Теперь я подумал, что настал мой последний миг, и вверил свою душу Создателю.

Король, который, как я уже заметил, достаточно хорошо знал английский, чтобы его понимали, вошел в круг и, встав передо мной, обратился ко мне примерно со следующими словами: «Джон, я говорю – ты не можешь сказать "нет". Если ты говоришь "нет" – в ход идут кинжалы!» Затем он спросил меня, готов ли я быть его *рабом* до конца своих дней, буду ли я сражаться за него в битвах, буду ли я ремонтировать его мушкеты и делать для него кинжалы и ножи, а также задал несколько других вопросов, на все из которых я старался отвечать утвердительно. Затем он сказал, что пощадит мою жизнь, и приказал мне *целовать его руки и ноги в знак покорности, что я и сделал*. Тем временем его люди очень настаивали на моей смерти, для того, чтобы не осталось никого, кто мог бы рассказать эту историю соотечественникам и *помешать им торговать с ними*. Но король самым решительным образом воспротивился их желаниям, и я ему полностью обязан тем, что до сих пор жив.

В момент нападения я был занят работой, без куртки, и из-за холода, слабости от потери крови, боли в ране и крайнего волнения и ужаса, которые я все еще испытывал, я дрожал как лист. Заметив это, король вошел в каюту, принес шинель, принадлежавшую капитану, накинул ее мне на плечи и велел выпить немного рома из бутылки, которую он мне протянул, одновременно дав понять, что это пойдет мне на пользу и прекратит мою дрожь. Я сделал глоток, после чего, взяв меня за руку, он отвел меня на квартердек, где передо мной предстало самое ужасное зрелище, которое когда-либо видели мои глаза. *Головы нашего несчастного капитана и его команды, числом двадцать пять, были выложены в ряд* ⁷, и Макина, приказав одному из своих людей принести голову, спросил меня, чья она. Я ответил, что капитана. Таким же образом мне показали остальных, и я назвал их имена, за исключением тех, которые были настолько изуродованы, что я не смог их узнать.

Так я понял, что весь наш несчастный экипаж перебит, и узнал, что, захватив корабль, дикари вскрыли склад боеприпасов, вооружившись и отправили отряд на берег, чтобы напасть на наших людей, которые пришли туда порыбачить. К ним присоединились жители деревни, и они без труда одолели наших людей, убили их, отрезали им головы и принесли на корабль, а тела бросили в море. Взглянув на палубу, я увидел, что она вся покрыта кровью моих бедных товарищей, которым перерезали глотки их же ножами. Дикари, воспользовавшись моментом,

⁷ Индейцы северо-западного побережья и лесной зоны Америки брали головы в качестве трофеев. Эти головы прикрепляли к шестам перед их жилищами. Индейцы прерий и племена к востоку от Скалистых гор всегда брали только скальпы, возможно, из-за сложности транспортировки голов.

пока те поднимали лодку на борт корабля, схватили их и одолели числом. В схватке капитан упал за борт, и его убили в воде те, кто был в каноэ, немедленно отрубив ему голову. То, что я почувствовал в тот момент, легче представить, чем выразить словами.

После того как я ответил на его вопросы, Макина снял с моей шеи шелковый платок и обвязал им мою голову, положив на рану лист табака, которого у нас было в избытке на борту. Я сам попросил его об этом, так как по собственному опыту знал о пользе такого способа обработки резаных ран.

Затем Макина приказал мне направить корабль в бухту Френдли-Коув. Я выполнил это, перерезав канаты и отправив нескольких туземцев наверх, чтобы они спустили паруса, что они сделали очень неумело. Однако им удалось поставить стаксель и верхние паруса, и, воспользовавшись попутным ветром, я сумел завести корабль в бухту, где по приказу короля в восемь часов вечера высадил его на песчаный берег.

ГЛАВА IV

Встреча Джуитта с дикарями в деревне — Побег Томпсона — Прибытие соседних племен — Индейский пир

Жители деревни, мужчины, женщины и дети, встретили нас громкими радостными криками и стуком палок по крышам и стенам своих домов, в которые они к тому же воткнули множество зажженных сосновых факелов, приветствуя так возвращение своего короля, и поздравляя его с победой.

Макина отвел меня в свой дом на берегу. Он оказался очень большим и был полон людей. Женщины, особенно те, что принадлежали королю, у которого было *не меньше девяти жен*, окружили меня, выражая сочувствие моему несчастью, нежно поглаживая и похлопывая меня по голове, подбадривая и успокаивая словами, полными сожаления. Как сладостно сострадание даже от дикарей! Только те, кто оказался в подобной ситуации, могут по-настоящему оценить это.

Тем временем все воины племени, числом *пятьсот*, собрались в доме короля, чтобы порадоваться своему успеху. Они ликовали, и каждый хвастался своими особыми подвигами в деле убийства наших людей, но были очень недовольны тем, что мне позволили остаться в живых, и настаивали на том, чтобы Макина выдал меня им для казни. Но он упорно отказывался, говоря, что обещал сохранить мне жизнь и не нарушит своего слова, а кроме того, я умею ремонтировать и изготавливать оружие и буду им очень полезен.

Затем король усадил меня рядом с собой и приказал своим женщинам принести что-нибудь поесть. Они поставили перед ним сушеных моллюсков и растительное масло, которые он съел с большим аппетитом и призвал меня последовать его примеру, сказав, чтобы я много ел и много пил масла, что сделает меня сильным и толстым. Несмотря на его похвалы в адрес этой пищи, у меня не возникало никакого желания ее пробовать, поскольку запах от нее был отвратителен. К тому же боль, которую я испытывал, смятение в душе и мрачность мыслей привели к тому, что у меня совсем не было желания есть.

Не удовлетворившись отказом Макины выдать меня, люди снова стали требовать моей смерти, говоря, что никто из нас не должен остаться в живых, чтобы другие наши соотечественники ничего не узнали, и не стали бы препятствовать им в торговле или мстить за уничтожение корабля. В конце концов, они так разбушевались, что он в ярости схватил большую дубину и выгнал их всех из дома. В это время ко мне подошел сын короля, лет одиннадцати, привлеченный, несомненно, моей необычной внешностью. Я погладил его, он ответил на мои ласки с явным удовольствием, и, посчитав это удачной возможностью заслужить расположение отца, я посадил ребенка себе на колени и, срезав металлические пуговицы с моей куртки, повесил их ему на шею. Он был так рад этому, что не хотел после этого от меня отходить.

Король, казалось, был очень доволен моим вниманием к его сыну и, сказав, что пора ложиться спать, велел мне лечь рядом с его сыном, опасаясь видимо, что кто-нибудь из его людей придет, пока он спит, и зарежет меня. Я лег, как он велел, но ни душевное состояние, ни боль, которую я испытывал, не позволили мне уснуть.

Около полуночи меня сильно встревожило появление одного из туземцев, который пришел сообщить королю, что один из белых все еще жив, и что он сбил индейца с ног, когда тот ночью поднимался на борт корабля. Все это Макина перевел мне, дав понять, что как только взойдет солнце, он убьет белого. Я пытался убедить его пощадить его жизнь, но он велел мне молчать и ложиться спать. Я больше ничего не сказал, но лежал, размышляя, как бы мне спасти жизнь этого человека. «Каким утешением, — думал я, — каким счастьем было бы для меня в

моем несчастном положении среди этих язычников иметь в качестве спутника христианина и одного из моих соотечественников, и насколько это облегчило бы бремя моего рабства».

Пока я придумывал план его спасения, мне вдруг пришло в голову, что этот человек, вероятно, мастер по парусам, по имени Томпсон, поскольку я не заметил его головы среди убитых, и знал, что незадолго нападения он был внизу и работал там над парусами. Чем больше я думал об этом, тем более вероятным мне это казалось, а поскольку Томпсону было около *сорока лет, и он выглядел стариком*, я решил, что будет легко выдать его за моего отца и таким образом убедить Макину сохранить ему жизнь. Ближе к утру я заснул, но с первыми лучами солнца меня разбудил король, который сказал мне, что собирается убить человека, находящегося на борту корабля, и приказал мне сопровождать его. Я встал и последовал за ним, ведя за руку его сына.

Выйдя на берег, я обнаружил там всех мужчин племени. Король обратился к ним, сказав, что один из белых людей был найден живым на борту корабля, и спросил их: спасти ему жизнь или предать смерти. Они единодушно высказались за последнее. Об этом решении он сообщил мне. Я спросил его, указывая на мальчика, которого все еще держал за руку, любит ли он своего сына. Он ответил утвердительно. Затем я спросил ребенка, любит ли он своего отца, и, услышав утвердительный ответ, сказал: «И я тоже люблю своего». Затем я бросился на колени к ногам Макины и со слезами на глазах умолял его пощадить жизнь моего отца, если окажется, что человек на борту – это он, говоря ему, что если он убьет моего отца, то я хочу, чтобы он убил и меня, а если нет, то я покончу с собой — и тогда он потеряет раба. В то время как, пощадив жизнь моего отца, он сохранит и мою, что будет ему очень выгодно, поскольку я буду ремонтировать и изготавливать для него оружие.

Макина, казалось, был тронут моими мольбами и пообещал не казнить этого человека, если он окажется моим отцом. Затем он объяснил своим людям, что я сказал, и приказал мне подняться на борт и сказать этому человеку, чтобы он сошел на берег. К моей неопишуемой радости, войдя в трюм, я обнаружил, что мое предположение подтвердилось. Томпсон был там. Он избежал ранений, за исключением легкой раны на носу, нанесенной ему одним из дикарей ножом, когда он пытался подняться на палубу во время потасовки. Обнаружив, как он позже мне рассказал, что дикари захватили корабль, он спрятался в трюме, надеясь что ему представится возможность сбежать. Но когда индеец, который ночью поднялся на борт, приблизился к тому месту, где он находился, Томпсон подумал, что его обнаружили, и, решив продать свою жизнь как можно дороже, он, как только дикарь оказался в пределах его досягаемости, сбил того с ног. Но индеец, вскочил невредимый, и бросился бежать вон со всех ног.

Я в нескольких словах сообщил ему, что все наши люди убиты, что король сохранил мне жизнь и согласился пощадить и его, потому что я сказал, что он мой отец, — утверждение, в котором он должен убедить их, поскольку это был единственный для него шанс выжить. Я вышел с ним на берег и представил его Макине, который сразу узнал в нем мастера по изготовлению парусов, обрадовался этому, и сказал, что тот сможет делать паруса для его каноэ. Затем он отвел нас к себе домой и приказал дать нам что-нибудь поесть.

24-го и 25-го числа туземцы были заняты тем, что выносили грузы с корабля, снимали с него паруса и такелаж, срезали рангоут и мачты, короче говоря, приводили его в полную негодность, насколько это было возможно. Мушкеты, боеприпасы, одежда и все ценные предметы были перенесены в дом короля.

Пока они были этим заняты, каждый брал себе то, что ему понравилось, а мы с моим спутником были вынуждены им помогать. Я решил заполучить корабельные документы в надежде, что когда-нибудь в будущем у меня будет возможность вернуть их владельцам. С этой целью я завладел письменным столом капитана, на котором хранилась большая часть документов, а также бумага и письменные принадлежности. Мне также посчастливилось найти пустую бухгалтерскую книгу, в которую я решил, если мне позволят, записать все о нашем плене-

нии и о самых примечательных событиях, с которыми я столкнулся во время своего пребывания среди этих людей. Я наивно лелеял надежду, что вскоре прибудет какое-нибудь судно и освободит нас. В каюте я также нашел небольшой томик проповедей, Библию и молитвенник Англиканской церкви, которые служили мне и моему товарищу великим утешением во время нашего рабства и позволили мне, по милости Божественного Провидения, стойко переносить невзгоды, которые в противном случае я, возможно, не смог бы вынести.

Поскольку эти люди не ценят подобные вещи, я без труда присвоил их себе, положив в сундук, который, хотя и был взломан и разграблен дикарями, но поскольку у меня оказался ключ от него, я запер и сохранил его. В сундук я также положил кое-какие инструменты с корабля, и несколько других предметов, в частности дневник, который вел второй помощник, мистер Ингрэм, а также коллекцию рисунков и видов мест, сделанных им же, которые мне посчастливилось сохранить. По возвращении в Бостон я передал их его знакомому, достопо-чтенному судье Доусу, который отправил их его семье в Нью-Йорк.

26-го числа в бухте Френдли-Коув были замечены два корабля. При их появлении мест-ные жители поначалу сильно растерялись, но вскоре, вооружившись мушкетам и мушкетонами, выбежали на берег и открыли по ним такой сильный огонь, что те, очевидно, побоялись подойти ближе и, сделав несколько залпов картечью, которые никому не причинили вреда, раз-вернулись и направились в открытое море. Этими кораблями, как я позже узнал, были «Мэри» и «Юнона» из Бостона.

Едва они скрылись из виду, как Макина высказал сожаление по поводу того, что позволил своим людям открыть по ним огонь, опасаясь, что они расскажут другим, как их встретили здесь, и те не захотят больше торговать с ним.

Через несколько дней после того, как везде стало известно о захвате корабля, в Нутку прибыло множество каноэ с дикарями не менее чем из двадцати племен с севера и юга⁸. Среди выходцев с севера были *Ай-ти-зарты*⁹, *Schoo-mad-its*¹⁰, *Нахвумми*¹¹, *Savin-nars*¹², *Ах-оуз-арты*¹³, *Мо-во-читы*¹⁴, *Сут-сетты*¹⁵, *Ной-чад-литы*¹⁶, *Мич-ла-иты*¹⁷ и *Кай-йо-кваты*¹⁸, большинство из которых считались данниками Нутки. С юга прибыли *Айчарты*¹⁹ и *Эскви-аты*²⁰, тоже данники, вместе с *Кла-у-кватами*²¹ и *Уикинниши*²², крупным и могущественным племенем, находившимся примерно в двухстах милях отсюда.

⁸ Джуитт, не имевший точного представления о местах проживания всех этих племен, сильно искажает их названия и направление, откуда они пришли.

⁹ *Ai-tiz-zart* (Aitizzart), *Ayhuttisaht* (Айхуттисахт), *Ayhuttizaht* и *Ehatisaht* или *Ehattesaht* залива Эсперанса – это скорее всего, одно и то же племя – см. далее в гл.8. В данном тексте встречаются как с дефисами, так и без них: *Ai-tiz-zart*, *Aitizzart*

¹⁰ Неизвестное название

¹¹ *Nahwitti* (Flatlashekwill) – исчезнувшее племя, обитавшее на севере о.Ванкувер около [p. Nahwitti](#)

¹² Название какой-то деревни, а не племени

¹³ *Ahousaht* (Ahousat) – жили около залива Клейокуот на западном побережье о.Ванкувер

¹⁴ *Mooachaht* (Муахат), *Mowachaht* (Мовачахт) – собственно племя «нутка» залива Нутка (координаты 49.624, -126.624).

¹⁵ *Tseshaht* – около залива Альберни и залива Баркли (48.95, -125.00).

¹⁶ *Noochahlaht* (*Nuchatlaht*) – около залива Эсперанса (49.86, -126.90).

¹⁷ *Muchalaht*, или «рука Куакина» – у залива Нутка, рядом с племенем Mooachaht

¹⁸ *Cayuquet*, *Ky-yoh-quaht* – к северу от залива Нутка, около одноименного залива Кьюкуот (50.05, -127.25), 250 мужчин

¹⁹ *Hachaath* (Хачаат), или *A-y-chart* – вымершее племя, проживавшее на берегу или к северу от залива Баркли

²⁰ *Hesquiaht*, *Eshquate* (Эшкваты) – жили около Гавани Хескиат (Hesquiat Harbour), (49.42, -126.44)

²¹ *Klahoquaht*, *Klayoquaht* (*Clayoquot*) (*Tla-o-qui-aht*) Клаукваты – жили около залива Клейокуот

²² *WickAnnish* – племени с таким названием не было. Скорее всего это опечатка, должно быть *WickInnish* = Уикинниш – такого племени тоже не было, Джуитт путает имя вождя [Wikaninnish](#) с названием его племени *Кла-у-кват* (*Clayoquot*, *Tla-o-qui-aht*)

Эти последние были одеты лучше, чем большинство других, и их каноэ были сделаны с гораздо большим мастерством. Они были могли ходить не только на веслах, но и под парусами, и при попутном ветре обычно тратили на переход сюда всего двадцать четыре часа.

Макина, который был очень гордился своей добычей, хотел поприветствовать гостей на европейский манер. Поэтому он приказал своим людям, когда каноэ приблизятся, собраться на берегу с заряженными мушкетами и мушкетонами. Томпсона поставили у пушки, которую принесли с корабля и установили перед деревней на двух длинных бревнах. Затем, взяв в руку *переговорную трубу* (рупор), он поднялся вместе со мной на крышу своего дома и принялся яростно колотить палкой по доскам.

Ничто не могло быть более нелепым, чем вид этой разношерстной толпы дикарей, собравшихся на берегу, одетых самым странным образом в свои наряды, добытые нечестным путем: одни были в женских халатах, взятых из нашего груза, другие в плащах синего, красного или желтого цветов из толстого сукна, с чулками, натянутыми на голову, и с множеством пороховниц, ружейных сумок и картузов на шеях. У некоторых за плечами висело не менее *десяти* мушкетов, а за поясом по пять-шесть ножей. Даже забавно было видеть, как они все сидят на корточках на берегу, держа мушкеты вертикально, прижав приклад к земле, а не к плечу, и в таком положении ожидающих приказа стрелять.

Наконец Макина приказал через *переговорную трубу* открыть огонь, что они и сделали очень неуклюже и робко, прижимая свои мушкеты к земле, как было описано выше. В тот же миг Томпсон выстрелил из пушки, и они тут же бросились назад и начали кататься по песку, словно подстреленные. Внезапно вскочив, они запели победную песню и, бегая взад-вперед по берегу и дико жестикулируя, хвастались своими подвигами и демонстрировали трофеи, которые отняли у нас. Несмотря на свое положение и чувства, которые вызывало у меня все это, я не мог удержаться от смеха от вида этих дикарей, их неуклюжих движений и странного сочетания их одежды и оружия.

После завершения всего этого, Макина пригласил гостей на пир в свой дом, где они нажились на китовый жир, копченую сельдь, сушеную рыбу и ворвань, и съели все это подчистую. После окончания пира подносы, с которых ели, и прочее немедленно убрали, чтобы освободить место для танца, которым должно было закончиться это веселье. Его исполнил сын Макины, юный принц *Сам-сам-сок-сис*, о котором я уже говорил, следующим образом:

Трое главных вождей, одетые в накидки из шкуры выдры, которые они носят только по особым случаям и на праздниках, с головами, покрытыми белым пухом, и лицами, обильно раскрашенными, вышли в середину комнаты, каждый с мешком, наполненным белым пухом, который они рассыпали вокруг, имитируя снегопад. За ними последовал молодой принц, одетый в длинный кусок желтой ткани, свободно обернутый вокруг него и украшенный маленькими колокольчиками, с шапкой на голове, к которой была прикреплена причудливая маска, имитирующая голову волка, а позади шел сам король в своей плаще из шкуры морской выдры, с маленьким свистком во рту и погремушкой в руке, с помощью которой он отбивал ритм, а мелодию наигрывал на свистке. Быстро обойдя дом в таком порядке, каждый из них сел, кроме принца, который тотчас же начал свой танец, который в основном заключался в том, чтобы подпрыгивать, приседать на корточки и с большой скоростью крутиться на пятках вокруг своей оси.

Этот танец, с небольшими перерывами, продолжался около двух часов, в течение которых вожди непрерывно барабанили палочками длиной около фута по длинной полой доске. Это была, хотя и очень шумная, но весьма печальная музыка. Они сопровождали её песнями, сам король исполнял роль хориста, а женщины аплодировали каждому выступлению танцора, повторяя слова: «*Вокаш! Вокаш Тайи!*», что означает: «*Хорошо! Очень хорошо, принц!*»

Как только танец закончился, Макина начал раздавать незнакомцам подарки от имени своего сына. Это были куски европейской ткани, обычно длиной в сажень, мушкеты, порох,

дробь и т.д. Всякий раз, когда он давал им что-нибудь, у них была своеобразная манера выхватывать это у него с очень строгим и угрюмым видом, повторяя каждый раз слова «*Вокаи Тайи*». Насколько я понял, это было у них в обычае и воспринималось как комплимент, который, если его не сделать, можно было бы расценить как знак пренебрежения к подарку. Макина раздал *не менее ста мушкетов*, столько же зеркал, четыреста ярдов ткани и *двадцать бочонков пороха*, не считая других вещей.

Получив все эти подарки, чужеземцы удалились к своим каноэ. Их было так много, что Макина не позволил никому, кроме вождей, ночевать в домах. И, чтобы предотвратить разграбление имущества, он приказал Томпсону и мне дежурить ночью, вооружившись саблями и пистолетами.

Племена дикарей из разных частей побережья продолжали прибывать в течение нескольких дней, привозя с собой китовый жир, масло, икру сельди, сушеную рыбу и моллюсков, за что получали взамен подарки в виде ткани и т. д., после чего, как правило, немедленно возвращались домой. Я заметил, что очень немногие из них, если вообще кто-либо, за исключением вождей, имели при себе оружие, что, как я позже узнал, является обычаем у этих людей, когда они приезжают с дружеским визитом или для торговли, чтобы уже при их приближении было видно, что их намерения мирные ²³.

²³ Вся эта описанная церемония называется Потлач – периодическая раздача имущества, характерная для индейцев северо-западного побережья Америки. В начале XX века местные власти запретили его.

ГЛАВА V

Сожжение судна — начало ведения дневника Джуитта

Рано утром 19-го числа стало известно, что корабль горит. Это произошло из-за того, что один из дикарей ночью пробрался на борт с факелом, чтобы что-нибудь украсть. Несколько искр от факела упали в трюм и, соприкоснувшись с горючими материалами, воспламенили их. Вскоре огонь охватил всё судно. Местные жители очень сожалели о потере корабля, поскольку большая часть его груза всё ещё оставалась на его борту. Для меня и моего спутника это было вообще крайне печальное зрелище, ведь вместе с кораблем исчезли все следы цивилизации. Но наше огорчение было ещё сильнее потому, что мы рассчитывали, что запасов провизии с корабля хватит нам на долгие годы, ведь все соленое, как и большинство других наших продуктов эти люди никогда не едят. Мне, к счастью, удалось сохранить все свои инструменты, за исключением наковальни и мехов, которые были в кузнице, так как из-за большого веса не получилось перенести их на берег. Нам также посчастливилось, осматривая то, что было взято с корабля, обнаружить коробку шоколада и ящик портвейна, которые, поскольку индейцы их не любили, на некоторое время стали для нас большим утешением. У одного из туземцев я обнаружил *Морской альманах*, который принадлежал капитану и который очень пригодился мне для определения времени.

Примерно через два дня, осмотрев свою добычу, дикари обнаружили бочку рома, чему они страшно обрадовались, поскольку с тех пор, как они познакомились с белыми, они очень пристрастились к этому спиртному напитку. Это было ближе к вечеру, и Макина, собрав всех мужчин в своем доме, устроил пир, на котором они так много выпили этого рома, что стали совершенно дикими и неистовыми. Мы с Томпсоном, опасаясь за свою безопасность, сочли благоразумным уединиться в лесу, где и оставались до полуночи.

Вернувшись, мы обнаружили, что женщины, которые всегда были очень воздержанны к спиртному, и не пили ничего, кроме воды, тоже все ушли из дома и ушли в другие хижины, настолько они были напуганы поведением мужчин, которые лежали, растянувшись на полу, в состоянии полного опьянения. Как легко было бы нам в этой ситуации расправиться с нашими врагами, если бы поблизости был какой-нибудь корабль, на котором мы могли бы спастись, но в том положении, в котором мы находились, эта попытка была бы безумием. Однако желание мести было менее сильным, чем чувство, что все это было столь очевидным вмешательством Божественного Провидения в нашу пользу. Как мало способен человек проникнуть в Его замыслы и как часто то, что задумывалось как благословение, он воспринимает как проклятие. Сожжение нашего корабля, о котором мы так сожалели, теперь предстало перед нами в совершенно ином свете, ибо, если бы дикари завладели ромом, которого на борту было около двадцати бочек, мы неизбежно стали бы жертвой их ярости в момент опьянения. К счастью, эта бочка и ящик джина – вот и все спиртное, которое они успели взять с корабля. Чтобы предотвратить повторение подобной опасности, я осмотрел бочонок и, обнаружив, что в нем все еще оставалось значительное количество рома, просверлил в дне небольшое отверстие, и к моей великой радости, к утру он полностью опустел.

К тому времени рана на моей голове начала заживать, так что я смог немного поспать, чего до этого не мог делать из-за боли. И хотя я все еще был слаб от потери крови и перенесенных страданий, я чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы заняться своим ремеслом. Я стал делать для короля и его жен браслеты и другие мелкие украшения из меди и стали, чинил оружие, используя большой квадратный камень в качестве наковальни и нагревая металл в обычном костре. Это очень порадовало Макину и особенно его женщин и обеспечило мне их благосклонность.

Тем временем множество людей из других племен постоянно приезжали в Нутку, привозя с собой для обмена за добычу с корабля такое количество провизии, что, несмотря на слабый успех Макины в китобойном промысле в этом сезоне и их ненасытный аппетит, – они ели до отвала, не думая о завтрашнем дне, туземцы сейчас совершенно не испытывали нехватки пищи. Что касается меня и моего спутника, мы жили так же, как и они, не испытывая недостатка в еде, хотя нам приходилось есть ее, приготовленную по их рецепту, с добавлением большого количества масла, что было вдвойне неприятно как из-за их нечистоплотности при приготовлении пищи, так и из-за использования многих продуктов питания, которые для европейца кажутся отвратительными. Но, как говорится, голод пробьет каменные стены, и мы по привычке, стали относиться к жиру морских животных и мясу акулы-собаки, сколь бы отвратительным оно ни было на самом деле, как к вполне приемлемой пище.

Но бедный Томпсон, которого они недолюбливали, гораздо чаще страдал бы от голода, если бы я не обеспечивал его едой. Это стало возможным благодаря моей работе: Макина позволял мне, когда я не работал на него, подрабатывать изготовлением браслетов и других украшений из меди, рыболовных крючков, ножей и т. д., – либо для продажи племенам, которые нас посещали, либо для наших вождей. В таких случаях, помимо того, что я был обеспечен едой, Томпсон тоже был обеспечен. Макина подарил мне европейскую одежду, взятую с корабля и несколько сажень ткани, из которой мой товарищ сшил кое-что для нас, и это позволяло нам одеваться некоторое время. Макина и вожди давали мне за работу перочинные ножи, бритвы, ножницы, за что мы почти всегда могли получить у других туземцев два-три свежих лосося, треску или палтуса, или сушеную рыбу, моллюсков и сельдь, привезенные чужеземными племенами. Если бы нам разрешили готовить их по-своему, как это было возможно с горшками и другой утварью с корабля, у нас не было бы особых поводов для жалоб в этом отношении. Но эти люди так упорно придерживаются своих обычаев, особенно в отношении приготовления пищи, что король всегда заставлял меня отдавать все полученные мною продукты женщинам для приготовления еды. Однажды, застав Томпсона и меня на берегу за вываркой соли из морской воды, он был очень недоволен и, взяв то небольшое, что мы получили, выбросил в море. Один раз, в качестве особой милости, он позволил мне сварить лосося по-нашему, когда я пригласил его и его главную жену пообедать со мной. Они попробовали нашу стряпню, но им совсем не понравилось.

В мае погода стала на редкость теплой и приятной, растительность так быстро росла, что уже к середине месяца мне удалось собрать много клубники ²⁴. На этом побережье ее очень много, и она стала для меня восхитительным лакомством.

Мое здоровье почти восстановилось, рана зажила настолько, что больше не беспокоила меня. Я регулярно промывал ее раз в день в морской воде и прикладывал к ней свежий лист табака, который я раздобыл у туземцев, взявших его с корабля. Это было все, что я делал с раной, за исключением того, что я два или три раза прикладывал к ней небольшой кусок сахара, который дала мне Макина, чтобы удалить огрубевшую ткань, мешавшую ране затянуться.

Мое излечение, несомненно, шло бы гораздо быстрее, окажись я в цивилизованной стране, где хирург мог бы перевязать рану и оказать мне надлежащий уход. Но, увы! У меня не было доброго самаритянина с маслом и вином, чтобы перевязать мои раны, но я мог бы даже считать себя счастливым, что мне позволили перевязать их самому, ибо самое большее, чего я мог ожидать от местных жителей, – это сочувствие к моим несчастьям, которое я действительно получал от женщин, особенно от любимой жена Макины, матери Сат-сат-сок-сис, которая часто проявляла много доброты и заботы обо мне. Я должен отдать справедливость Макине и признать, что он всегда, казалось, стремился избавить меня от любой работы, которая, по его мнению, могла быть для меня вредной, и часто спрашивал, не болит ли у меня

²⁴ В основном там растет *Fragaria chiloensis* (L.) – Земляника чилийская

голова. Что касается остальных, за исключением некоторых вождей, то их мало заботило, что со мной случилось, и, вероятно, они были бы даже рады моей смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.